

шей сам принцип выбора и взаимообусловленность детерминантов, но, разумеется, не реальную последовательность шагов.

На схеме 5 хорошо видно центральное положение текста в процессе перевода. Текст является объектом приложения действующих сил, исходящих от всех детерминантов перевода. В схеме он выступает в двух ипостасях — как исходный текст в первичной коммуникативной ситуации и как конечный текст во вторичной. Одни и те же фильтры участвуют в интерпретации исходного и формировании конечного контекста: система языка, норма языка, норма перевода, литературная традиция, национальный колорит, дистанция времени, первичная коммуникативная ситуация, вторичная коммуникативная ситуация и предметная ситуация. Будучи объектом воздействия первичной и вторичной коммуникативных ситуаций, текст в то же время является одним из факторов, детерминирующих эти ситуации. Некоторые детерминанты обнаруживают непосредственные связи друг с другом (например, система и норма языка). Другие связаны между собой опосредованно, через текст (например, национальный колорит и дистанция времени, с одной стороны, и первичная и вторичная коммуникативные ситуации — с другой). Из схемы отнюдь не следует, что все указанные факторы получают эксплицитное выражение в тексте. Как отмечалось выше, в переводе важное место принадлежит подтексту, пресуппозициям и импликациям. Однако все они в конечном счете выводятся из текста с помощью фоновых знаний интерпретатора. Таким образом, именно через текст осуществляется взаимосвязь языковых и внеязыковых факторов, детерминирующих перевод.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА

Рассмотрим некоторые определения перевода, встречающиеся в литературе. Их эволюция, на наш взгляд, весьма поучительна — она отражает в известной мере логику развития самого переводоведения, столкновения различных взглядов на сущность перевода. Так, в одном из ранних определений мы читаем: "... перевод

может быть определен как преобразование знаков или репрезентаций в другие знаки или репрезентации. Если оригиналы выражают какое-либо значение, то мы обычно требуем, чтобы их отображение выражало то же самое значение или (что более реалистично) чтобы оно по возможности выражало то же значение. Сохранение инвариантного значения является центральной проблемой перевода с одного естественного языка на другой..." [Oettinger, 1960,104]. "Межъязыковой перевод может быть определен как замена элементов одного языка... элементами другого" [там же, 109].

В этом определении четко прослеживается узкосемиотический подход к переводу. Все аспекты этого многогранного и многомерного процесса сводятся к замене одних знаков другими. В качестве необходимого условия этой замены выдвигается семантическая эквивалентность.

Элементарные замены на уровне знаков практикуются в переводе главным образом при использовании транслитерации (например, при передаче знаков русского алфавита знаками латинского: см. используемую при переводе научных текстов систему транслитерации, ориентированную на чешский алфавит и построенную на однозначных соответствиях типа *Жуков* — *Zukov*, *Шукин* — *Scjukin*, *Шатура* — *Satura*), а также при переводе отдельных единиц, имеющих однозначные соответствия в другом языке, например терминов типа "specific gravity" — "удельный вес", "водород" — "hydrogen", "цепная реакция" — "chain reaction".

Прав В. Коллер, который, подвергая критике определение А. Эттингера, отмечает, что "установление соответствий между речевыми цепочками естественных языков значительно сложнее, чем установление соответствий между единицами латинского алфавита и кириллицы при транслитерации", и приходит к заключению о том, что "предложенное Эттингером статическое определение перевода, в котором отсутствуют такие факторы, как текст и получатель, отражает энтузиазм выдвигавшихся в 50—60-е годы проектов автоматического перевода, в которых недооценивалась проблема нахождения соответствий между единицами ИЯ и ПЯ" [Koller, 1983, 109].

Если для А. Эттингера центральной проблемой перевода является проблема знаковых соответствий, то в определении У. Уинтера основное внимание обращается на другую сторону перевода. "Перевести, — пишет он, — значит заменить формулировку интерпретации сегмента окружающего нас мира другой, по возможности эквивалентной, формулировкой. Мы говорим о переводе даже в рамках единого языка, например, когда к нам обращаются с просьбой простым и ясным языком изложить то понятное лишь немногим утверждение, которое мы только что сделали. Однако такое употребление этого термина носит весьма ограниченный характер, хотя все основные характеристики данного процесса присутствуют и в этом случае. Как правило, мы вводим в наше определение дальнейшее уточнение, согласно которому перевод влечет за собой замену интерпретации на одном языке интерпретацией на другом" [Winter, 1961, 68].

Несомненным достоинством этого определения является то, что в

отличие от определения А. Эттингера, ограниченного рамками языка и межъязыковых отношений, оно включает в рассмотрение один из важных факторов, детерминирующих процесс перевода, — то, что мы выше назвали предметной ситуацией. Последняя занимает центральное место в определении У. Уинтера. По сути дела, понятие перевода распространяется на все случаи различного словесного выражения при одной и той же интерпретации того или иного отрезка действительности. Соотнесенность с предметной ситуацией оказывается при этом настолько важным признаком перевода, что она отодвигает на задний план даже такую его существенную характеристику, как принадлежность к классу явлений, входящих в понятие межъязыковой коммуникации (см. выше). И хотя определение Уинтера дополняется уточнением относительно межъязыкового характера перевода, самому автору этот признак не представляется существенным, поскольку все основные признаки данного явления присутствуют и во "внутриязыковом переводе".

Напомним, что понятие "внутриязыковой перевод" было впервые введено в научный обиход Р. Якобсоном, в статье о лингвистических аспектах перевода, впервые опубликованной в 1959 г. В этой статье, исходя из семиотического понимания перевода как интерпретации вербального знака путем его транспозиции в другую систему знаков, Р. Якобсон различает три вида перевода: 1) внутриязыковой перевод, или переименование, — интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретацию вербальных знаков посредством какого-либо иного языка и 3) межсемиотический перевод, или трансмутацию, — интерпретацию вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон, 1985, 362].

Разумеется, такого рода подход к переводу вполне возможен и оправдан в рамках единой семиотической концепции, ориентированной на интерпретацию значений. Что же касается теории, направленной на выявление сущностных характеристик перевода и выяснение его онтологической картины, то думается, что межъязыковой и межкультурный статус перевода, детерминирующий, как было показано выше, его механизм, входит в число его важнейших различительных черт, подлежащих отражению в его определении.

В определении Уинтера многое остается неясным. Так, непонятно, что именно подразумевается под эквивалентной формулировкой интерпретации внеязыковой действительности. Более того, создается впечатление, что в переводе может варьироваться только формулировка (по-видимому, словесное выражение?), тогда как интерпретация остается той же. Но если под интерпретацией сегмента действительности подразумевается его отражение в семантической структуре высказывания, то можно ли тогда считать тождественными такие случаи, как, скажем, англ. *upside down* и рус. *вверх ногами*, где один и тот же сегмент описывается с помощью различных признаков?

Определение перевода в работе Дж. Кэтфорда отражает дальнейшее продвижение научного поиска в области изучения перевода. Перевод определяется Кэтфордом как "языковая операция, при кото-

рой происходит замена текста на одном языке текстом на другом" [Catford, 1965, 1]. Далее это определение уточняется следующим образом: "... перевод можно определить как замену текстового материала на одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом" [там же, 20—21]. Отсюда делается вывод о том, что центральной проблемой перевода является выяснение характера и условий переводческой эквивалентности.

Основное достоинство этого определения заключается в том, что оно отражает (по крайней мере частично) дифференциальный признак перевода, отличающий его от других видов межъязыковой коммуникации, а именно создание текста, заменяющего оригинал. Однако, как будет показано в следующей главе, у Кэтфорда отсутствует четкое представление о природе текста, и поэтому приведенное определение в значительной мере остается чисто декларативным. На деле в его работе речь идет не о динамике создания нового текста, а в основном о традиционных корреляциях от знака к знаку и от единицы к единице.

Вместе с тем определение Кэтфорда существенно отличается от предложенной нами выше формулировки классифицирующего признака перевода как межъязыковой коммуникации. В самом деле, ведь в нашей формулировке речь шла не просто о замене данного текста текстом на другом языке, а о создании текста, репрезентирующего или замещающего его в другом языковом и культурном окружении. Таким образом, специфика перевода как процесса, пересекающего не только границы языков, но и границы культур, не получает адекватного отражения в определении Кэтфорда.

Создается впечатление, что Кэтфорд, определяющий перевод как чисто языковую операцию, стоит на узколингвистических позициях и полностью исключает из рассмотрения внеязыковые аспекты перевода. Однако на самом деле это не совсем так. В уточненном определении Кэтфорда речь идет о замене исходного текстового материала эквивалентным текстовым материалом на другом языке, а понятие эквивалентности, согласно Кэтфорду, предполагает выход за пределы языка, поскольку оно трактуется как взаимозаменяемость в данной ситуации [там же, 49]. На этом вопросе мы остановимся подробнее в следующей главе в связи с проблемой эквивалентности и ее уровней. Здесь же мы ограничимся ссылкой на то, что под ситуацией Кэтфорд подразумевает фактически предметную (референциальную) ситуацию, отражаемую в тексте, но не коммуникативную ситуацию перевода, которая остается "за кадром". Таким образом, и это определение следует признать неполным.

С иных позиций подходят к определению перевода Ю. Найда и Ч. Табер. Согласно их определению "перевод заключается в воспроизведении на языке-рецепторе наиболее близкого естественного эквивалента исходного сообщения, во-первых, с точки зрения значения, а во-вторых, с точки зрения стиля" [Nida, Taber, 1969, 12]. "Воспроизведение сообщения" трактуется авторами как передача смысла высказывания, которая часто влечет за собой ряд грамматических и лексических адаптации (например, при передаче идиомати-

ческих выражений). Отсюда вытекает требование эквивалентности, противопоставляемой формальному тождеству. Так, например, греч. *egeneto* 'случилось' часто используется как маркер перехода, отмечающий начало нового смыслового фрагмента текста. Поэтому в переводе он либо вовсе не передается, либо передается с помощью аналогичных маркеров *and then, now, later*.

Понятие естественного эквивалента фактически подразумевает соответствие воспроизведенного текста нормам языка перевода. Требование естественности означает необходимость избегать "переводизмов (*translationese*), т.е. формальной близости, несовместимой со смысловой точностью и передачей эмоционального воздействия текста. Наконец, требование наибольшей близости эквивалента требует сочетания "естественности" (т.е. учета норм языка-рецептора) с близостью к подлиннику.

В определении Ю. Найды верно отражены некоторые требования, предъявляемые к переводу: точное воспроизведение смысла текста, отказ от буквализмов, соответствие нормам языка перевода, необходимость близости к подлиннику, примат содержания над формой, передача стиля оригинала. Вместе с тем думается, что перечень требований сам по себе еще не раскрывает сущности перевода и не определяет его места среди других родственных явлений. Определение перевода через предъявляемые к нему требования представляется затруднительным еще и потому, что эти требования, как было показано выше, нередко носят противоречивый характер (ср. "парадоксы перевода") и часто зависят от жанра переводимого текста, от коммуникативной ситуации и норм перевода.

Дальнейшее развитие связей между теорией перевода и лингвистикой текста находит свое отражение в развернутом определении перевода у В. Вильса: "Перевод — это процесс обработки и вербализации текста, ведущий от текста на исходном языке к эквивалентному — по мере возможности — тексту на языке перевода и предполагающий содержательное и стилистическое осмысление оригинала. Перевод является внутренне расчлененным процессом, охватывающим две основные фазы: фазу осмысления, во время которой переводчик анализирует исходный текст с учетом его смысловой и стилистической интенции, и фазу языковой реконструкции, во время которой переводчик воспроизводит подвергнутый смысловому и стилистическому анализу исходный текст с оптимальным учетом требований коммуникативной эквивалентности" [Wills, 1977, 72].

В определении В. Вильса мы находим справедливое указание на двухэтапный характер перевода. В отличие от других авторов Вильс не сводит перевод лишь к созданию конечного текста. Для него этап осмысления оригинала (причем осмысления, как мы уже отмечали выше, ориентированного на межязыковую коммуникацию) является органической частью процесса перевода. В этом определении должно внимание уделяться семантике и стилистике текста, их адекватному отражению в процессе формирования конечного текста на языке перевода. Вместе с тем в нем отсутствуют важные внеязыковые компоненты перевода (соотношение двух культур, двух

коммуникативных ситуаций и др.). Едва ли можно безоговорочно согласиться с В. Вильсом, когда он сводит вторую фазу перевода к воссозданию оригинала на языке подлинника. Ведь на самом деле, как мы уже отмечали выше, речь идет о создании нового текста, репрезентирующего оригинал и в то же время транспонированного в другую культуру и в другую коммуникативную ситуацию.

От приведенных выше определений выгодно отличается определение О. Каде. В нем, так же как и в приведенном выше определении Г. Йегера [Jäger, 1975], выявляются различительные черты, отличающие перевод от других видов опосредованной коммуникации или "языкового посредничества" (Sprachmittlung). Так же как и Г. Йегер, О. Каде различает два вида опосредованной коммуникации — эквивалентную и гетероэквивалентную и к первой относит собственно перевод. Однако в отличие от Г. Йегера он включает в определение понятие коммуникативной ситуации в связи со второй фазой процесса перевода.

Двухфазность процесса перевода лежит в основе выдвигаемой О. Каде концепции, поскольку именно в ней кроются причины тех изменений, которые наблюдаются в конечном тексте по сравнению с исходным текстом. Дело в том, что коммуникативная ситуация первой и второй фаз опосредованной двуязычной коммуникации (в нашей терминологии — первичная и вторичная коммуникативные ситуации) никогда не бывает тождественной. На коммуникативные факторы, обуславливающие формирование исходного текста во время первой фазы, наслаиваются новые факторы, связанные с включением в коммуникативный процесс нового адресата, принадлежащего к другой языковой и культурной общности. Двойная зависимость конечного текста, опосредованная (через первичный текст как исходный объект языкового посредничества) — от первичной коммуникации и непосредственная — от вторичной коммуникации, обуславливает известное противоречие между привязанностью к оригиналу и установкой на получателя, противоречие, которое должно быть преодолено в каждом акте языкового посредничества.

Изменения во вторичной коммуникативной ситуации по сравнению с первичной могут, по мнению О. Каде, носить закономерный или случайный характер. Дело в том, что некоторые изменения являются неизбежными, так как они проистекают из самой природы двуязычной опосредованной коммуникации.

Наряду с этим может варьироваться и сфера деятельности, которой служит коммуникация, что приводит к изменению самой цели коммуникации в соответствии с ожиданиями конечных адресатов. В этом случае меняется и коммуникативная функция текста, хотя это, как полагает О. Каде, никоим образом не вытекает из самой природы двуязычной опосредованной коммуникации. При этом существенно изменяются условия языкового посредничества, что приводит к ощутимым последствиям для конечного текста.

Отсюда следует, что существуют два вида (подкласса) языкового посредничества: 1) эквивалентное языковое посредничество, или перевод, при котором коммуникативные функции исходного и конечного текстов идентичны друг другу и на условия языкового посредничества

оказывают влияние лишь закономерные (т.е. не затрагивающие коммуникативную функцию) изменения в коммуникативной ситуации; 2) гетеровалентное языковое посредничество, или переложение с обработкой содержания (*inhaltsbearbeitende Übertragung* — термин, принятый в практике межъязыковой коммуникации в ГДР), при котором в результате дополнительных, не вызванных самой природой языкового посредничества изменений во вторичной коммуникативной ситуации конечный текст выполняет иную коммуникативную функцию, нежели исходный текст, хотя между этими текстами обнаруживаются определенные регулярные отношения, вполне объяснимые с точки зрения условий коммуникации [Kade, 1977, 31-33].

В определении О. Каде убедительно показано принципиальное значение двухфазности процесса перевода в выявлении его существенных характеристик. Решающая роль в этом определении отводится различию между двумя коммуникативными ситуациями, в рамках которых протекает процесс перевода. О. Каде, несомненно, прав, считая, что модификация коммуникативной ситуации во второй фазе процесса перевода может вызвать изменение коммуникативной функции текста.

Однако едва ли есть основания говорить о полной идентичности коммуникативной цели оригинала и перевода. Ведь переадресовка текста другому получателю не может не влиять на его коммуникативную цель. Об этом уже говорилось выше, когда мы отмечали, что коммуникативная интенция переводчика наслаивается на коммуникативную интенцию автора. При этом интенция переводчика детерминирована вторичной коммуникативной ситуацией, ее культурным, а порой и историческим контекстом. Следовательно, едва ли можно ставить знак равенства между "закономерными" изменениями (изменениями, обусловленными коммуникативной ситуацией) и теми, которые никак не затрагивают цели коммуникации. Ведь именно варьирование коммуникативной ситуации влечет за собой и определенную модификацию цели. Вместе с тем эта модификация допустима лишь в известных пределах. Речь может идти лишь об адаптации авторской интенции к другим коммуникативным условиям, а не о ее коренном пересмотре, который совершенно недопустим хотя бы в силу репрезентативного предназначения перевода.

Резюмируя сказанное выше, следует вновь подчеркнуть, что дефиниции перевода в значительной мере отражают логику развития переводоведения — от определений, в основе которых лежат отношения между языковыми знаками, до определений, центральным понятием которых является текст; от определений, сводящих перевод к чисто языковой операции, до определений, включающих в рассмотрение предметную и коммуникативную ситуации; от определений, рассматривающих перевод в одном измерении, до определений, приближающихся к осознанию многомерности этого процесса.

Вместе с тем многие из дефиниций носят упрощенный характер. Например, редуционистский характер носит определение, предлагаемое К. Раис и Г. Вермеером, которые, исходя из того, что текст является "предложением информации (*Informationsangebot*)" получателе-

лю со стороны отправителя", рассматривают перевод как имитирующее предложение информации" [Reiss, Vermeer, 1984, 19].

Другой особенностью многих определений является их нормативный характер. Как справедливо отмечает В. Коллер, "речь идет не о том, что такое перевод, а о том, каким он должен быть" [Koller, 1983, 112]. Нормативный характер привносится в эти определения включаемым в них понятием эквивалентности. При этом в этот термин вкладывается разное понимание (подробнее об этом см. гл. III), но в любом случае создается впечатление, что переводом является лишь эквивалентный перевод, что само по себе является *contradictio in adjecto*.

В отличие от авторов, исходящих из того, что лишь идеальный конструкт, отвечающий заданным характеристикам, имеет право именоваться переводом, Г. Тури подходит к определению перевода с противоположных, антинормативных позиций. Он определяет процесс перевода как "замену исходного текста конечным при определенных условиях инвариантности". При этом автор намеренно не уточняет понятия "инвариантность", исходя из того, что "отношения между исходным и конечным текстами неодинаковы в каждом конкретном случае; более того, они не обязательно соответствуют отношениям, постулируемым теорией... претендующей на то, чтобы быть общей теорией перевода" [Toury, 1981, 252-255]. Отсюда следует, что речь может идти не о межтекстовых отношениях, постулируемых теорией, а о тех, которые реально могут существовать между текстами, рассматриваемыми как оригинал и перевод. Но в таком случае определение перевода не только не отвечает (хотя бы приближенно) на вопрос о том, в чем заключается специфика перевода и что отличает его от неперевода, но даже не ставит этого вопроса.

Думается, что и нормативно-оценочный подход к определению перевода, и антинормативный подход (в их крайнем выражении) едва ли могут быть положены в основу определения перевода. Разумеется, между отдельными жанрами и видами перевода наблюдаются значительные различия. Понятие "перевод" действительно охватывает весьма широкий спектр явлений. Однако из этого никак не следует, что мы должны либо истолковывать особенности перевода вообще применительно к нормативным установкам того или иного переводческого жанра, либо вовсе отказываться от уточнения тех признаков, которые выделяют перевод среди смежных, сходных явлений.

Репрезентативная функция перевода подразумевает, как отмечалось выше, "верность" оригиналу. В чем же должна состоять эта "верность"? В передаче информационного содержания текста? В отражении его художественной формы? В передаче его экспрессивных коннотаций? По-видимому, этот вопрос будет решаться по-разному в зависимости от функциональных доминант текста и конкретных условий межязыковой коммуникации. Вместе с тем не следует забывать, что перевод является коммуникативным актом, а последний можно считать состоявшимся лишь при наличии соответствия между передаваемым и воспринимаемым мыслительным содержанием. Отсюда следует, что общим для всех видов коммуникативных ситуаций,

опосредуемых с помощью перевода, является стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал, или, иными словами, коммуникативную установку (информативную, экспрессивную, эмоциональную, побудительную), лежащую в основе первичного текста.

В приведенных выше определениях содержались справедливые, на наш взгляд, указания на двухфазность и однонаправленность процесса перевода. В самом деле, процесс перевода, как было показано выше, начинается с целенаправленной ("переводческой") интерпретации исходного текста и не сводится лишь к созданию вторичного текста. Однонаправленность процесса перевода обусловлена асимметрией отношений между первичными и вторичными текстами. Отсутствие взаимодозначных отношений между оригиналом и его переводом, необратимость процесса перевода подтверждаются практической невозможностью точно воссоздать оригинал при "обратном переводе".

Если говорить о детерминирующей роли таких языковых и внеязыковых факторов, как межъязыковые различия (на уровне системы, нормы) и функциональные доминанты текста, межкультурные различия (на уровне культурных традиций и норм перевода) и различия между коммуникативными ситуациями (на уровне коммуникативной интенции и установки на получателя), то они могут быть отражены в определении обобщенно — как различия между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями.

Таким образом, перевод может быть определен как:

— однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному ("переводческому") анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде;

— процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями.

Думается, что такая формулировка при всей ее громоздкости отражает многомерный и многофакторный характер процесса перевода, его отличие от других видов межъязыковой коммуникации, его сложный и противоречивый характер, и в первую очередь его основной парадокс, который можно было бы назвать "двойной лояльностью" переводчика — установкой на "верность" оригиналу и установкой на адресата и нормы его культуры.